

УДК 82-313.2

**ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В РОМАНАХ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И
НАКАЗАНИЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «ГОЛЕМ» Г. МАЙРИНКА****Алпатов Владислав Викторович**

Доцент, кандидат филологических наук

Московский городской педагогический университет

Кафедра методики обучения английскому языку и деловой коммуникации

alpatov.v@list.ru

Аль-Гелани Виктория Тариковна

Магистр

Московский Городской Педагогический Университет

Кафедра методики обучения английскому языку и деловой коммуникации

al-gelani@yandex

Аннотация

В данной статье рассматривается литературное влияние Ф.М.Достоевского на творчество австрийского писателя Густава Майринка на примере романов «Преступление и Наказание» и «Голем». Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью отражения мотивов и идей Достоевского в произведениях Майринка, многочисленных сходств и аналогий. В статье выделяются типологические параллели между романами «Преступление и Наказание» и «Голем», среди которых характер и судьба главных и второстепенных героев, места действий (Санкт-Петербург и Пражское гетто), атрибуты, такие как шляпа, орудие убийства, священная книга. Также в «Големе» присутствуют темы, характерные для творчества Ф.М.Достоевского, но не встречающиеся в «Преступлении и Наказании», например отцеубийство. Сравнительный анализ произведений позволяет сделать вывод о том, что переключка между романами осуществляется на многих уровнях: типаж, психологический портрет главных и второстепенных персонажей, конфликт, сеттинг, отдельные мотивы. Однако в «Големе» реализуется развитая форма экспрессионизма, который в «Преступлении и Наказании» присутствует лишь как фон. Психологический мир «Голема» является более самобытным; он является проводником для совершенно противоположного мировоззрения, которому характерен эзотеризм, оккультизм и мистика.

Ключевые слова: Достоевский, Густав Майринк, Преступление и Наказание, Голем, параллели, экспрессионизм, дихотомия, психологический портрет.

**TYPOLOGICAL PARALLELS IN THE NOVELS "CRIME AND PUNISHMENT"
BY F.M. DOSTOEVSKY AND "GOLEM" BY G. MEYRINK**

Vladislav V. Alpatov

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences

alpatov.v@list.ru

Moscow City Pedagogical University

Department of Methods of Teaching English and Business Communication

Victoria Al-Gelani

Master

Moscow City University

Department of Methods of Teaching English and Business Communication

ABSTRACT

The article examines the literary influence of F.M.Dostoevsky on the work of the Austrian writer Gustav Meyrink on the example of the novels "Crime and Punishment" and "Golem". The relevance of the work is due to the insufficient study of the reflection of Dostoevsky's motives and ideas in the works of Meyrink, numerous similarities and analogies. The article highlights typological parallels between the novels "Crime and Punishment" and "Golem", among which are the character and fate of the main and secondary characters, places of action (St. Petersburg and the Prague ghetto), attributes such as a hat, a murder weapon, a holy book. Also in "Golem" there are themes characteristic of F.M.Dostoevsky's works, but not found in "Crime and Punishment", for example, parricide. A comparative analysis of the novels allows us to conclude that the analogy between the works is carried out on many levels: type, psychological portrait of the main and secondary characters, conflict, setting, specific motives. However, a developed form of expressionism is realized in "Golem", which in "Crime and Punishment" is present only as a background. The psychological world of the "Golem" is more original; it is a vehicle for a completely opposite worldview, which is characterized by esotericism, occultism and mysticism.

Keywords: Dostoevsky, Gustav Meyrink, Crime and Punishment, Golem, parallels, expressionism, dichotomy, psychological portrait.

Целью настоящей статьи является исследование литературного влияния Ф.М. Достоевского на творчество писателя рубежа XIX–XX вв. Густава Майринка (1868–1932 г.) на примере переклички судеб и характеров главных героев их романов «Преступление и наказание» и «Голем»: Родиона Раскольникова и Атанасиуса Перната.

Густав Майринк — немецко-австрийский новеллист и романист, — родился в Австрии в еврейской буржуазной семье, в дальнейшем служил банкиром, а затем стал профессиональным писателем. Он активно интересовался и увлекался оккультизмом и теософией, а незадолго до смерти перешел в буддизм, и эти его увлечения гармонировали с его общелитературным направлением.

На своем творческом пути Майринк испытал влияние нескольких стилей: от поздненемецкого романтизма и «поэзии кошмаров и ужасов» до экспрессионизма, что во многом определило эмоционально-психологическую окраску его творчества

[Литературная энциклопедия, s.v. Мейринк]. Экспрессионизму – одному из течений в искусстве Западной Европы и Америки, получившему особое развитие после первой мировой войны, – было свойственно «тревожное, болезненное мироощущение, присущее периодам социальных кризисов» и «всякого рода психологическая мистика, надрыв, дисгармония» [Беляев, 2010]. Все это стало яркими отличительными чертами творчества Майринка.

Как представитель экспрессионизма, Майринк, в свою очередь, испытал значительное литературное влияние русского писателя Ф.М. Достоевского. Как отмечает Ф. Риза-Задэ в статье в Литературной энциклопедии, посвященной творчеству последнего, «сильнее всего отразилось [его] влияние в Германии <...>. Самое значительное литературное течение в современной немецкой литературе – экспрессионизм – целиком проходит “под знаком Достоевского”, которого экспрессионисты выдвигают как своего предтечу и учителя. Очень ярко это влияние проступает в творчестве таких писателей, как Герман Гессе, Густав Мейринк, Стефан Цвейг» [Литературная энциклопедия, s.v. Достоевский].

Интересно отметить, что Майринка роднит с Достоевским также некоторые обстоятельства его жизни, а именно:

- оба писателя пережили серьезный жизненный кризис, связанный со смертью и изменивший их жизнь и умонастроение: Достоевский был приговорен к казни и помилован, но время ожидания казни стало для него перерождением и породило его интерес к духовному и психологическому; Майринк чуть не покончил с собой, но был спасен чудесным появлением некой книги, после которой увлекся эзотерикой [Канарш, 2008:188];
- оба писателя прошли испытание заключением: Достоевский побывал на каторге, Майринк провел несколько месяцев в тюрьме.

В данной статье мы хотели бы показать следы отмеченного выше литературного влияния на материале наиболее известного произведения Майринка «Голем», выявив параллели в образе его главного героя Атанасиуса Перната и в образе Родиона Раскольников, главного героя наиболее известного в Европе произведения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Мы проведем сопоставление героев в трех измерениях: физиологическом (внешность), психологическом (характер и внутренний мир) и социологическом (место действия и сопутствующие персонажи: друзья, враги).

1. Внешность

И Пернат, и Раскольников описываются авторами как привлекательные стройные мужчины, один – несколько старше второго, Пернату «еще не более сорока лет» [Глава V], Раскольникову – двадцать три. Часто упоминающимся атрибутом внешнего облика обоих героев является шляпа. В «Преступлении и наказании» она просто часть гардероба, но особенная, выдающаяся:

- *«Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону...» [часть 1, глава I]*

- *«Да, слишком приметная шляпа... Смешная, потому и приметная... К моим лохмотьям непременно нужна фуражка, хотя бы старый блин какой-нибудь, а не этот урод. Никто таких не носит, за версту заметят, запомнят...» [часть 1, глава I]*

В «Големе» шляпа играет сюжетобразующую роль, именно она создает всю завязку романа: главный герой по ошибке берет чужую шляпу «в соборе на Градчине, когда слушал обедню, сидя на скамье» [Глава XX], после этого дома засыпает и переживает все приключения, находясь в личности владельца той шляпы. Таким образом, по смежности с головой — сидалищем ума и психологического устройства, — она становится символом всей личности и способна перенести на своего нового владельца судьбу предыдущего.

2. Характер и внутренний мир

Оба персонажа имеют склонность к интеллектуальным занятиям, к рефлексии и философским рассуждениям: Раскольников — бывший студент, т.е. человек, имеющий заявку на положение интеллигента, который даже убийство совершает как практический итог своих рассуждений о всеобщей справедливости; Пернат хотя всего лишь резчик камней, но автор отмечает его аристократическую внешность, а значительная часть книги отведена именно его внутреннему философскому диалогу и анализу, также связанному с идеями справедливости. Возможно, и занятие его также не случайно в этом отношении: резка камней предполагает тонкую кропотливую работу, желание «врезать в камю неземную тонкость лица, весь <...> духовный облик» [Глава X], что и метонимически, и метафорически отражает, как в зеркале, саму душевную организацию резчика.

Пожалуй первое, что бросается в глаза при сравнении двух персонажей, это эмоциональная неустойчивость, резкие перепады настроения, слишком бурные реакции на происходящие вокруг события. Главные герои то чувствуют резкий прилив сил и энергии, то падают в бессилие и теряют всякий интерес и способность к деятельности.

Пернат легко впадает в крайности, от чувства эйфории до панической атаки и даже обморока. Его чувства счастья, влюбленности, страсти легко сменяются чувствами животного страха или ярости, вплоть до мысли об убийстве. Раскольников также испытывает крайние состояния до и после убийства. В обоих романах это описывается с помощью гиперболических сравнений и экспрессивных эпитетов. Вот несколько характерных пассажей в «Големе»:

«На одно мгновение точно электрический разряд отнял у меня сознание, и мне показалось, что я лечу в бездну, — но потом я снова почувствовал себя на ногах» [Глава XII];

«Дикое отвлечение к жизни сжимает мне горло» [Глава VI]

«Я хочу вскрикнуть и не могу. Холодные пальцы лезут мне в рот и прижимают язык к передним зубам, язык каким-то комом затыкает мне горло, и я не могу произнести ни слова» [Глава VI]

«До сих пор мешало этому возбуждение, обуявшее меня» [Глава IX]

«Меня это не задело — сознание, что я должен помочь "ей", наполнило меня таким счастьем, что всякая обидчивость исчезла» [Глава IX]

«На мгновение меня охватил страх: что, если я не выберусь отсюда? Мысль о Шемайе Гиллеле, с которым я смутно связывал представление о защитнике и руководителе, незаметно успокоила меня» [Глава IX].

В «Преступлении и наказании»:

- «...а сам дрожа всем телом... <...> “Нет, не по силам...” – подумалось ему. Ноги его дрожали. “От страха”, – пробормотал он про себя. Голова кружилась и болела от жару» (сразу после преступления, часть 2 глава I)
- «Скверно то, что я почти в бреду... я могу соврать какую-нибудь глупость...» (часть 2 глава I)
- «А ведь кто знает! Может, я и впрямь помешанный, и все, что во все эти дни было, все, может быть, так только, в воображении...» (часть 4 глава II)

Примечательно, что оба персонажа часто падают в обмороки из-за сильных переживаний или потрясений, повторяется слово «страх», упоминается дрожь. Характерные фразы из «Голема»: «Тут я потерял сознание и погрузился в глубокую тьму, пронизанную золотыми блестящими нитями» [Глава V]; «Я потерял землю под ногами и на минуту лишился сознания», «Дрожь пробежала по мне, все глубже и глубже она проникала в мое тело». У Раскольниковва случается обморок, когда он слышит от других об убийстве старухи: «Кстати, Родя, ты эту штуку уж знаешь, еще до болезни случилось, ровно накануне того, как ты в обморок в конторе упал, когда там про это рассказывали...» [часть 2, глава IV].

Не случайно и упоминание в «Големе» эпилепсии, главной болезни Достоевского, которая также часто присутствовала у его героев (Мышкин, Смердяков) и столь характерна своей крайностью и надрывом. Эпизодический персонаж Венцель учит Перната эпилепсии с целью побега из заключения: « – Итак, внимайте. – Он сделал очень серьезное лицо. – Я вас должен обучить эпилепсии!.. – Чему? – Эпилепсии!» [Глава XVII].

Крайность переживаний проявляется и в том, что и Раскольниковва, и Перната посещали мысли о самоубийстве, которое все же не реализуется. Пернат устал от серой и гнетущей обстановки, ощущения невозможности помочь близким людям, разочарований, неопределенности будущего, неясного прошлого:

- «Почему я не скрутил из них веревки и не повесился на ней?! Тогда бы я, по крайней мере, не видел больше этой мерзости, и вся серая терзающая тоска исчезла бы – раз и навсегда» [Глава XV];
- «Ах, если бы никогда не всходило больше солнце и не роняло бы в сердца своей жизнерадостной лжи! Нет! Я не позволю больше себя дурачить, не хочу больше быть мячом в руках неуклюжей бессмысленной судьбы, то подбрасывающей меня вверх, то кидающей в лужу только для того, чтобы доказать непрочность всего земного» [Глава XV]

Раскольников измучен сознанием несостоятельности своей теории, разочарованием в себе и муками совести:

- «Да, чтоб избежать этого стыда, я и хотел утопиться, Дуня, но подумал, уже стоя над водой, что если я считал себя до сей поры сильным, то пусть же я и стыда теперь не убоюсь... Это гордость, Дуня? – Гордость, Родя» [часть 6 глава VII].

Двойственность и экстремумы эмоций объясняются проявлением дихотомичных характеров героев, которым свойственно парадоксальное, невероятное сочетание сильных степеней как отрицательных, так и положительных качеств. Раскольников болезненно горд, надменен, необщителен, вспыльчив, раздражителен, склонен к ипохондрии и меланхолии,

но все же достаточно рассудителен, вдумчив, талантлив, образован и великодушен: «...оба вы меланхолики, оба угрюмые и вспыльчивые, оба высокомерные и оба великодушные...» (мать о Раскольникове и его сестре, часть 3 глава IV), «Полтора года я Родиона знаю: угрюм, мрачен, надменен и горд; в последнее время (а может, гораздо прежде) мнителен и ипохондрик. Великодушен и добр.» (слова Разумихина, часть 3 глава II); «Исступленному-то ипохондрику! При тщеславии бешеном, исключительном! Да тут, может, вся-то точка отправления болезни и сидит!» (часть 3 глава II); «Она знала к тому же его тщеславие, заносчивость, самолюбие и неверие...» (Дуня о брате, часть 6 глава VIII).

Пернат не обладает той гордыней и замкнутостью, которые так присущи Раскольникову. Его нестабильность объясняется не столько размышлениями, сколько переживаниями за близких людей и незнанием своего прошлого. Если Раскольникова можно смело назвать интровертом, которого раздражает общество людей, то Пернат скорее холерик, который любит быть наедине с собой, но все же тянется к людям и стремится получать впечатления от общения с ними, помогать им.

Положительная сторона характера и того, и другого – доброта, самоотверженность, щедрость, сострадание, – проявляется, с одной стороны, в способности на сильные жесты, решительные действия, в равнодушии к нуждающемуся человеку, в делах добродетели, на которых основаны некоторые сюжетные линии романов. Например, Раскольников, несмотря на свою бедность, угрюмость и высокомерие, не остается равнодушным при виде пьяной молодой девушки, над которой надругались. Обращая внимание на мужчину, который ее преследует, Раскольников отдает последние 20 копеек, оставленные ему матерью, чтобы доставить ее домой на извозчике [часть 1, глава IV].

Аналогично поступает и Пернат, не располагающий большими финансовыми возможностями, по отношению к своему близкому другу, студенту медицинского факультета Иннокентию Харусеку, испытывающему острую нужду на протяжении всего романа. Он тайком вкладывает ему деньги в карман и упорно пытается ему помочь в дальнейшем [Глава XI]

Также Пернат искусным путем помогает своей возлюбленной Мириам, чей отец, архивариус Шемайя Гиллель, раздает свои последние средства нищим [Глава XI]. Он подбрасывает монеты рядом с домом девушки, которая считает это чудом: «Она чуть не упала от возбуждения, рассказывая мне, что случилось чудо – настоящее чудо: она нашла золотую монету в булке хлеба, которую булочник положил через решетку на кухонное окно... Я схватился за кошелек! – Еще, пожалуй, не поздно, я успею и сегодня снова наколдовать ей дукат!» [Глава XII].

С другой стороны, именно равнодушие и альтруизм, делающие схожими характеры Раскольникова и Перната, обостряют в них понятие и чувство справедливости, которое получает в обоих романах неверное направление и ведет своих носителей к преступлению, что создает главную коллизию сюжета. Именно переход от ощущения несправедливости в мире и желания бороться с ней к мысли о своем праве ее устранить путем убийства старухи-процентщицы знаменует зарождение греха, главного «падения-преступления» Раскольникова, которое затем врачует «наказанием» на протяжении всего романа.

Аналогично Пернат стремится любыми способами оказать помощь некой графине Ангелине, защитить ее от шантажа Аарона Вассертрума, так как тот располагает доказательствами неверности Ангелины своему мужу: «...а все показания его (если допустить, что дело дойдет до суда) я безусловно смогу опровергнуть. Ангелина слишком

близка мне, чтобы я не попытался спасти ее от беды какой угодно ценой, даже лжесвидетельством» [Глава XII]. Он готов заплатить и более дорогую цену, решившись на убийство Вассертума, которое, однако, не совершается.

3. Сюжет и рамка персонажей

Сходства двух героев проявляются и вне их собственного микрокосма, в их внешних взаимодействиях, вплетенных в сюжет, и в сети второстепенных персонажей.

Оба они влюблены в бедную девушку: Пернат — в Мириам, дочь архивариуса Гиллеля, и графиню Ангелину¹. Раскольников — в Соню Мармеладову. Оба — из бедных семей: семья Перната была разорена стариком-старьевщиком Вассертумом [Глава XVII], у Раскольникова отец умер несколько лет назад, и он, бедный студент, находится на иждивении бедной матери из провинции (Я бедный и больной студент, удрученный (он так и сказал: «удрученный») бедностью. Я бывший студент, потому что теперь не могу содержать себя, но я получу деньги... [часть 2 глава I]). У обоих есть близкие друзья: у Перната — Цвак и Иннокентий Харусек, у Раскольникова — Разумихин.

Мириам и Харусек по своей композиционной роли соответствуют Дуне, сестре Раскольникова, и Разумихину, однако провести между ними полные параллели сложно. Психологические портреты Харусека и Разумихина диаметрально противоположны, однако они оба ровесники и студенты, занимают положение близких друзей главного героя. Мириам с Соней объединяет их нищая обстановка, обе спасаются верой. У обеих важную роль в романах играют отцы — единственный родитель Мириам Гиллель когда-то оказал значительную помощь Пернату, а Семен Захарович Мармеладов, также единственный живой родитель Сони, невольно становится источником всех ее бед.

Разительное сходство представляют собой главные антагонисты романов — старик-старьевщик Аарон Вассертум и старуха-процентщица Алёна Ивановна. Даже лексически они вводятся схожим образом: возраст (старик и старуха), род деятельности (старьевщик, процентщица), имя. Занятие их схоже и сосредоточено на «вещизме» — Вассертум торгует старыми вещами, вся его лавка хаотично забита «мертвыми, бесполезными» вещами [Глава II], Алёна Ивановна — выдает деньги под проценты взамен на вещи.

И тот, и другая описываются как воплощение корыстолюбия: «понятие “иметь” для него самое дорогое, и если бы он был в состоянии создать для себя идеал, то это было бы отвлеченное понятие “обладания”» — Вассертум [Глава XI]; Алёна Ивановна «дает вчетверо меньше, чем стоит вещь...» [часть 1 глава VI]. Печать алчности лежит на их внешности, расчеловечивая и уподобляя их животным, птицам или насекомым: Вассертум имеет «отвратительное неподвижное лицо, с круглыми рыбьими глазами и с отвислой заячьей губой. Он показался мне пауком среди людей, тонко чувствующим всякое прикосновение к паутине, при всей своей кажущейся безучастности» [Глава II], на покупаемую вещицу он набросился, «как ястреб, и унес <...> в свою берлогу...» [Глава XI]; Алёна Ивановна была «крошечная, сухая старушонка <...> с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая», «белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом» [часть 1, глава 1], «заплетены в крысиную косичку и подобраны под осколок роговой гребенки, торчавшей на ее затылке...» [часть 1, глава VII].

¹ О сложной алхимико-тантристической линии в романтических отношениях Перната см. статьи [ЭОН 1990; Дугин]

И тот, и другая весьма состоятельны, но при этом живут бедно из-за своей скупости: Вассертрум — миллионер, «почти треть еврейского города принадлежит ему» [Глава IV], но его лавка выглядит как вертеп; Алёна Ивановна также «богата как ж*д, может сразу пять тысяч выдать, а и рублевым закладом не брезгает» [часть 1 глава VI], однако не тратит собственных денег даже на себя, из-за чего выглядит бедно и неопрятно, живет в грязной обстановке.

Оба персонажа тиранят своих родственников. Вассертрум продал свою жену в дом терпимости и мучает своего сына Харусека, друга главного героя. У «старухи есть сестра, Лизавета, которую она, такая маленькая и гаденькая, бьет поминутно и держит в совершенном порабощении, как маленького ребенка...» [часть 1, глава VI], пользуясь тем, что Лизавета «юродивая».

И тот, и другая при этом не чужды некой религиозности: старуха-процентщица после смерти оставляет все свои богатства в монастырь на помин своей души, старик-старьевщик после смерти оставляет свои богатства сыну Харусеку по той причине, что он «был единственным на земле человеком, который мог бы искупить его грехи» и потому что «тайно верил в какие-то воздаяния в том мире, хотя при жизни он всячески старался отрицать это» [Глава XVII].

Оба умирают не своей смертью: Вассертрума убивает напильником третьестепенный персонаж Лойза, Алену Ивановну — как известно, зарубает сам Раскольников.

Интересен также мотив отцеубийства, который перекликается в романе Майринка с другим романом Достоевского, «Братья Карамазовы». Харусек становится одержим идеей мести и убийства своего отца Вассертрума, в «Братьях Карамазовых» эта же идея овладевает Иваном. Мотив желания смерти отцу автобиографичен для самого Достоевского и ведёт в его понимании не к (желаемой) свободе, но к подлинному закабалению, в результате чего «человек делается “болен”, разрушение его целостности должно привести к гибели» [Рябов, Романова 2007: 42], что, кстати, ярко воплощается у Майринка в судьбе Харусека, который сходит с ума и накладывает на себя руки.

Из второстепенных, но бросающихся в глаза своим параллелизмом персонажей упомянем лишь «обвинителей». В обоих романах есть эпизод обвинения главных героев в убийстве как элемент нарастающего давления и подготовки признания в содеянном. В «Преступление и наказании» это некий мещанин, который «поднял глаза и зловещим, мрачным взглядом посмотрел на Раскольникова. — Убивец! — проговорил он вдруг тихим, но ясным и отчетливым голосом... Раскольников шел подле него. Ноги его ужасно вдруг ослабели, на спине похолодело <...>. — Да что вы... что... кто убийца? — пробормотал Раскольников едва слышно. — Ты убивец, — произнес тот, еще раздельнее и внушительнее и как бы с улыбкой какого-то ненавистного торжества, и опять прямо глянул в бледное лицо Раскольникова и в его помертвевшие глаза» [часть 3, глава VI].

В «Големе» эту же роль играет полицейский: «Вдруг полицейский, обращаясь ко мне, пронзительно вскрикнул: — Убийца. Я оцепенел от изумления. <...> Господин полиции советник был немало раздражен моим спокойствием, ловко скрыл это, однако, подал мне стул и предложил сесть» [Глава XV]

4. Место и атрибуты действия

Место действия в обоих романах получает самостоятельную роль и задает тон для всего сюжета. В «Преступлении и наказании» действие разворачивается в мрачном и

грязном Петербурге, в «Големе» – в не менее мрачной и зловещей Праге, грязном и криминальном еврейском гетто. Оба главных героя живут в трущобах: Пернат – на Петушьей улице в «небольшой квартире <...>, где никто не будет тревожить его и беспокоить расспросами о прошлом...» [Глава V], но где его тревожит самый дух этого дома («темная, мрачная жизнь, которая висит над этим домом, не дает мне покою, и все время встают во мне старые картины» [Глава II]); каморка Раскольников «приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру...» [часть 1, глава I].

Место действия как бы подталкивает героев к преступлению, отвратительность и болезненность социально-ландшафтная трансформируется в болезненность душевную, а далее – духовную и нравственную. Ключевым местом для Раскольникова становится Сенная площадь, где к нему приходит идея об убийстве и где позже он в нем признается: «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, – всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины» [часть 1, глава I].

Атмосфера гетто в «Големе» также формирует криминальную линию сюжета: «Я тоже вырос в гетто, кровь моя тоже пропитана атмосферой адской хитрости; вот почему я смог поставить ему западню, невидимо подготовить ему гибель, подобно молнии, ударившей с ясного неба» [Глава IV]. Пернат и далее сравнивает атмосферу гетто с предгрозовой погодой, которая разряжается громом и молниями; природные явления служат знаком душевного состояния главного героя – напряжения, которое аккумулируется и вырывается наружу в агрессивной и фатальной форме:

- *«В душные дни электрическое напряжение достигает последних пределов и рождает наконец молнию – может быть, постоянное накопление неизменных мыслей, отравляющих воздух гетто, тоже приводит к внезапному разряжению – душевному взрыву, <...> Отвалившаяся штукатурка старой стены принимает образ шагающего человека, и снежные узоры на окне принимают вид застывших лиц. <...> Смотрит глаз на однотонное строение, или на неровности кожи, и вдруг нами овладевает невеселый дар повсюду видеть грозящие знаменательные формы, принимающие в наших сновидениях чудовищные размеры» [Глава V];*
- *«Черные монументы вставали грозно, за ними одинокие сторожевые будки, очертания барочных фасадов. Тусклый свет фонаря вырос в огромное фантастическое бледнорадужное кольцо из окружавшего тумана, переходил в желтоватый, пронзительный взгляд какого-то глаза и рассеивался в воздухе сзади меня» [Глава XIV].*

В обоих местах предзнаменованием «преступления» становится духота, вонь, грязь и бесцветность, а в Праге также темнота и мрак. Эта неэстетичность городской архитектурной среды отражается и в общественной среде, где нравственная болезненность стала нормой жизни.

Часть города, где проживает Раскольников, считается неблагополучной, преимущественно населена криминальными элементами, пьяницами и падшими женщинами: «подозрительное место; штуки случались; да и черт знает кто не живет!..»

[часть 2, глава V]; «опять вонь из лавочек и распивочных, опять поминутно пьяные, чухонцы-разносчики и полуразвалившиеся извозчики» [часть 2, глава I].

Гетто Перната рисуется еще более выразительными картинами: «Клубы едкого табачного дыма висели над столами, позади которых длинные деревянные скамейки вдоль стен были заняты разными оборвышами: тут были проститутки, нечесанные, грязные, босые, с упругими грудями, едва прикрытыми безобразного цвета платками; рядом с ними сутенеры в синих солдатских фуражках, с сигарою за ухом; торговцы скотом с волосатыми кулаками и неуклюжими пальцами, у которых каждое движение изобличало их вульгарную низость; разгульные кельнера с нахальными глазами, прыщеватые приказчики в клетчатых брюках» [Глава VI].

Из этих описаний ясно видно, как нездоровая, угнетающая, растлевающая обстановка «заражает» возбудимых и психологически неустойчивых главных героев нравственным «вирусом» греха, который кульминируется в преступлении Раскольникова и решимости на него Перната.

Из других многочисленных элементов сеттинга рассмотрим только знаковые атрибуты, которые также вырастают до размеров самостоятельных персонажей или даже моделей архитектуры всего романа: орудие убийства и Книгу.

Когда мысль об убийстве Вассертрума овладевает Пернатом, на глаза ему волей случая попадается напильник, обычный инструмент в мастерской у резчика камней:

- *«Затем спокойная, холодная, как лед, мысль, продиктовала мне решение: «Дурак! Все, ведь, в твоих руках. Стоит только взять напильник, там на столе, сбежать вниз и всадить его старьевщику в горло, так, чтобы конец его вышел сзади у затылка» [Глава XI];*
- *«Напильник! Напильник!» – пронеслось у меня в мозгу» [Глава XIII]*

Раскольников использует топор, который также случайным образом попался на глаза герою. Топор выбран случайно Раскольниковым, но не Достоевским: современников он открыто отсылает к лозунгу «К топору зовите Русь!», впервые появившемуся в статье «Письмо из провинции» в журнале «Колокол» А.И. Герцена. «С тех пор образ топора стал символом “нового поколения” русской интеллигенции и его миссии в России: очистить страну от крепостного права, самодержавия, царя, церкви; символом упорного желания изменить общественный строй путем радикальных реформ» [Федоров, 1994]. Для Достоевского этот же топор – символ отрыва от народа, орудие палача, символ силового решения, символ верховной власти. Топор полноценно олицетворяет теорию Раскольникова о «тварях дрожащих или права имеющих».

Орудие убийства вызывает у героев обоих романов отвращение, у Раскольникова – до преступления: «Боже! – воскликнул он, – да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели?» [часть 1, глава V]; у Перната – после несостоявшегося преступления: «Вот напильник. Я положил его в карман, – решил бросить его где-нибудь на улице. <...> Я ненавидел этот напильник. Ведь я чуть не сделался убийцей из-за него» [Глава XV].

Другой атрибут действия, который появляется и оказывает влияние на все повествование, становясь идейным «ключом» каждого из романов – это священная Книга.

В «Преступлении и наказании» это Евангелие, в «Големе» это каббалистическая книга «Иббур».

Широко известно и всесторонне исследовано значение Евангелия в «Преступлении и наказании», где сюжетобразующую роль играет эпизод воскрешения из мертвых Лазаря Четверодневного, по образу которого мертвый душой, умерщвленный преступлением Раскольников воскресает к новой жизни через покаяние с помощью живительного духа Евангелия, слова Христа, воскресившего Лазаря.

В «Големе» Пернат находит книгу, оставленную незнакомцем, предположительно мифическим созданием по имени Голем. Он правильно расшифровывает название книги как «чреватость души». Иббур – в Каббале «особое соединение отжившей души с живым человеком, на 7-м или даже на 14-м году возраста, с провиденциальной целью на благо того или другого, или обоих» [Соловьев, 1894]. Вселившаяся душа воодушевляет человека и побуждает его к исполнению какой-либо миссии. Собственно, весь сюжет роман построен на этой комбинации (см. выше о вселении в главного героя души незнакомца, чью шляпу он надевает). Книга оживает, становится собеседником главного героя, помогая ему понять происходящее с ним:

- *«Книга говорила мне, как говорит сновидение, только яснее и значительно отчетливее. Она шевелилась в моем сердце, как вопрос» [Глава III];*
- *«Это уже больше не книга со мной говорила. Это был голос. Голос, который чего-то хотел от меня, чего я не понимал, как ни старался я. Он мучил меня жгучими непонятными вопросами» [Глава III].*

Ценность каббалистических книг (в прямом и переносном смысле) подчеркивается друзьями Перната:

- *«Я слышал, что существует источник, по которому можно изучить Каббалу: «Зогар»... – Да, Зогар – Книга Сияния. – Видите, вот оно, – вырвалось у Цвака, – ведь это вопиющая несправедливость, что книга, которая содержит, по-видимому, ключи к пониманию Библии и к блаженству... Гиллель перебил его: – Только несколько ключей... – Хорошо, пусть, пусть несколько ключей. И вот эта книга, из-за ее высокой цены и редкости, доступна только богатым. Имеется лишь один единственный экземпляр, да и то в лондонском музее, как мне рассказывали?» [Глава X]*

Центральной фигурой Каббалы у Майринка выступает Гермафродит, именем которого называет Перната раввин Гиллель, и образ которого будет преследовать его после «прочтения» книги, мелькнув в самом конце произведения в виде архитектурного элемента в саду у настоящего Атанасиуса Перната: «Передо мной появилась книга «Ibbur», и две буквы загорелись в ней: одна обозначала бронзовую женщину с мощным, как землетрясение, биением пульса, другая в бесконечном отдалении: Гермафродит на перламутровом троне, с короной из красного дерева на голове» [Глава VII].

Гермафродит в романе сосредоточивает в себе эклектическую каббалистическую семантику Единого Духа (объединяющего в том числе мужское и женское начала), которого должен по замыслу романа открыть в себе главный герой через упоминавшееся выше переселение души: «Я слушал напряженно. – Гермафродит? – То-есть магическое соединение мужского и женского человеческого элемента в полубоге. Как конечная цель! Нет, не конечная цель, а начало нового пути, который вечен, не имеет конца» [Глава XIV].

Выводы

Итак, мы видим явную переключку двух романов на разных уровнях: типажа и психологического портрета главных героев — ищущих, противоречивых, мятущихся, страстных и тонких натур; на уровне конфликта — неудовлетворенность вещиизмом, низостью и приземленностью окружения, которая достигает кульминации в (удавшемся или неудавшемся) убийстве персонажа-лицетворения этого окружения, а затем ведет к внутреннему конфликту с самим собой; на уровне сеттинга — в создании мест-персонажей, которые усугубляют душевную драму героев и объясняют некий механизм порождения преступления: от неэстетичности к душевной болезни индивидуумов, далее к испорченности общества и пагубному влиянию на новых индивидуумов, греховная болезнь которых ведет к надлому; на уровне отдельных мотивов, в особенности мотива Книги, которая противостоит месту действия как целительный источник для разъедаемых духовной болезнью главных героев; на уровне набора персонажей и типологии сюжетной рамки.

В то же время, безусловно, общая философия, задумка и ее реализация в двух романах глубоко отлична. «Голем» представляет собой развитую форму экспрессионизма, который присутствует в «Преступлении и наказании» лишь как фон, как один из художественных методов для более выпуклого изображения нравственного и духовного оживания после греховной травмы. В «Големе» психологический мир гораздо более перенасыщен, самососредоточен и служит проводником или иллюстрацией неких онтологических — мистических и эзотерических — принципов совершенно другого мировоззрения.

Список литературы:

1. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / С. В. Белов ; под ред. Д. С. Лихачева. — Л. : Просвещение, 1979. — С. 240.
2. Беляев Д.А. История культуры и искусств: словарь терминов и понятий. Учебное пособие для студентов. — Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. — С. 81.
3. Дугин, А. «Магический реализм» Густава Майринка / Густав Майринк: Голем. Вальпургиева Ночь. М. : 1990. — С. 319.
4. Канарш Г.Ю. Густав Майринк: Путь к сокровенному. // Философия и культура. — 2008. — № 3.
5. Литературная энциклопедия, s.v. Голем]. (II. Bloch Chr., Der Prager Golem, 1919; Ludwig Albert, Der Golem, «Die Literatur», 1923 — 1924; Held Hans Ludwig, Das Gespenst des Golems, 1927. перевод Ш. Гордон)
6. Литературная энциклопедия, s.v. Мейринк]. (Jung K. G., Die Gestaltungen des Unbewußten, Z., 1950; Frank E., G. Meyrink, Büdigen — Gettenbach, 1957. перевод Н. Б. Веселовская)
7. Майринк Г. Голем // пер. с нем. Д. Выгодского. — М., 2018. — ISBN: 978-5-17-104819-8.
8. Психологические аспекты в творчестве Ф.М.Достоевского / В.В. Рябов, Е.С. Романова. — Москва : МГПУ, 2007. — С. 176 : ил. — ISBN 978-5-243-00253-0.
9. Соловьев В.С. Каббала // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / Т. XIII (26). — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1894. — С. 782–784.

10. Федоров В.А. (сост.) *Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи.* – М.: МГУ, 1994. – С. 528 – ISBN 5-211-03034-6.
11. Фундаментальная электронная библиотека: русская литература фольклор: сайт. – Москва, 2002. – URL: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le3/le3-3963.htm> (дата обращения: 28.11.2022). – Текст: электронный.

References:

1. Belov S. V. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" / S. V. Belov; edited by D. S. Likhachev. – L. : Prosvecheniye, 1979. – p. 240.
2. Belyaev D.A. History of Culture and Arts: dictionary of Terms and Concepts. Study guide for students. – Yelets: I.A. Bunin YSU, 2010. – p. 81.
3. Dugin, A. "Magical Realism" by Gustav Mayrink / Gustav Mayrink: Golem. Walpurgis Night. M. : 1990. – P. 319.
4. Kanarsh G.Y. Gustav Meyrink: The Path to the innermost. // Philosophy and Culture. – 2008. – № 3.
5. Literary Encyclopedia, S.v. Golem]. (II. Bloch Chr., Der Prager Golem, 1919; Ludwig Albert, Der Golem, "Die Literatur", 1923-1924; Held Hans Ludwig, Das Gespenst des Golems, 1927. translated by Sh. Gordon)
6. Literary Encyclopedia, S.v. Meyrink]. (Jung K. G., Die Gestaltungen des Unbewußten, Z., 1950; Frank E., G. Meyrink, Büdingen – Gettenbach, 1957. translated by N. B. Veselovskaya)
7. Mayrink G. Golem // translated from German by D. Vygodsky. – M., 2018. – ISBN: 978-5-17-104819-8.
8. Psychological aspects in the work of F.M.Dostoevsky / V.V. Ryabov, E.S. Romanova. – Moscow : MSPU, 2007. – p. 176 : ill. – ISBN 978-5-243-00253-0.
9. Soloviev V.S. Kabbalah // Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron / T. XIII (26). – St. Petersburg: Brockhaus-Efron, 1894. – pp. 782-784.
10. Fedorov V.A. (comp.) The End of serfdom in Russia: documents, letters, memoirs, articles. – Moscow: MSU, 1994. – p. 528 – ISBN 5-211-03034-6.
11. Fundamental electronic library: Russian literature folklore: website. – Moscow, 2002. – URL: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le3/le3-3963.htm> (accessed: 11/28/2022). – Text: electronic.